

ЯРЕМЧУК С.В., СИТЯЕВА С.М. ПОЛ, ВОЗРАСТ И ВИД ЗАНЯТОСТИ КАК ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ

English version: [Yaremtchuk S.V., Sityaeva S.M. Age, gender and occupation as predictors of extremist attitudes in early adulthood](#)

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Проанализированы психологические особенности возраста, способствующие распространению экстремизма среди молодежи, описаны результаты эмпирического исследования, направленного на выявление некоторых объективных предикторов экстремистских установок (пола, возраста и вида занятости молодых людей). Выборку исследования составили 355 человек от 15 до 30 лет, школьники, студенты ссузов и вузов, работающая молодежь (179 девушек и 176 юношей). Экстремистские установки изучались с помощью методики К.В.Злоказова «Экстремистские установки в молодежной среде», которая включает четыре шкалы: фанатизм, национализм, ксенофобия и авторитаризм. В результате исследования обнаружено, что авторитаризм проявляется вне зависимости от пола, возраста и вида занятости молодых людей. Юноши демонстрируют значимо более высокие показатели национализма и ксенофобии, чем девушки. Наименьший уровень экстремистских установок обнаружен у школьников, наивысший – в группе работающей молодежи, студенты ссузов и вузов занимают промежуточное положение. Общая возрастная динамика выраженности фанатизма, национализма и ксенофобии имеет значимую положительную направленность: более старшие юноши и девушки имеют значимо более сильные дискриминирующие установки по отношению к людям иной религии, нации и социальной группы. Пол, возраст и вид занятости являются предикторами разных экстремистских установок. Фанатические установки предсказываются возрастом респондентов (чем старше, тем более выражен фанатизм), ксенофобические – полом (ксенофобия сильнее проявляется у юношей, чем у девушек), а националистические – всеми тремя объективными переменными (возрастом, полом и видом занятости), проявляясь интенсивнее в более старших по возрасту группах молодежи, у юношей, работающей молодежи и студентов средних специальных учебных заведений.

Ключевые слова: экстремистские установки, молодежь, пол, возраст, школа, ссуз, вуз, ксенофобия, национализм, фанатизм, авторитаризм

Угроза экстремизма в современном обществе является весьма актуальной, в России из года в год увеличивается число преступлений экстремистской направленности, большая часть которых совершается людьми до тридцати лет. Соответственно увеличивается и количество исследований, посвященных проблеме экстремизма и

его предпосылок. Значительная доля работ оказывается посвященной отдельным характеристикам молодых людей, имеющих склонность к экстремистским действиям. В литературе встречаются разрозненные сведения о возрастных характеристиках, способствующих возникновению у молодежи экстремистских установок. Вместе с тем исследований, посвященных влиянию различных объективных и субъективных факторов на выраженность экстремистских установок молодежи, на настоящий момент недостаточно.

В своей работе мы постарались обобщить психологические особенности возраста, рассматриваемые учеными в качестве объяснения распространенности экстремизма именно среди молодежи, а также изложить результаты проведенного нами исследования, направленного на выявление некоторых объективных предикторов экстремистских установок.

Экстремистские установки рассматривались нами, в соответствии с концепцией К.В.Злоказова [Злоказов, 2014], как деструктивная направленность личности (снижение уровня толерантности, сопровождаемое ригидностью ценностно-смысловой сферы и асоциальной направленностью), проявляющаяся в готовности к совершению экстремистских действий. Методика К.В.Злоказова, использованная в нашем исследовании, ориентирована на четыре вида экстремистских установок: фанатическую, националистическую, ксенофобическую и авторитарную.

Полученные в исследовании результаты могут быть положены в основу разработки методических рекомендаций для педагогов, непосредственно работающих с молодежью, относящейся к группе риска возникновения экстремистского поведения.

Общее понятие об экстремистских установках и определяющих их факторах

Экстремизм в литературе определяется как приверженность крайним взглядам и способам действий. По мнению В.В.Лунеева [Лунеев, 2008], существенной характеристикой экстремистского поведения человека является наличие в его основе мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В структуре экстремизма можно выделить когнитивный компонент (описание образа «врага», его «вредоносных действий», а также возможных стратегий противодействия); эмоциональный компонент (переживания презрения или тревоги, гнева и страха); поведенческий компонент (модель поведения, которое носит враждебный и агрессивный характер).

На практике экстремизм не всегда сопровождается действиями и поэтому не может быть определен на основе одного из его элементов – экстремистской деятельности. В частности, ряд авторов [Вехов, 2009; Одинцова, Тищенко, 2014; и др.] утверждают, что экстремистские взгляды, убеждения, стереотипы и установки более широко распространены в обществе, чем явная агрессия и ненависть. Широкая распространенность латентного экстремизма, который создает основу для

социальной напряженности, делает необходимым изучение потенциала экстремизма, существующего в обществе в виде экстремистских установок.

Понятие «экстремистские установки» встречается в трудах разных ученых, занимающихся проблемами экстремизма, при этом сам этот феномен используется в разных контекстах, а часть авторов используют термин «экстремистские установки», не определяя его [Бочаров и др., 2015; Куликов, Куликова, 2011; и др.]. Большинство авторов рассматривают экстремистские установки как одну из составляющих экстремизма, который, помимо установок, включает в себя непосредственно действия, деятельность, совокупность насильственных проявлений, направленные на достижение религиозных, социально-политических, национальных целей посредством «крайних», деструктивных способов. С.С.Галахов и Е.О.Кубякин [Галахов, Кубякин, 2014], характеризуя экстремистские установки, описывают их как аттитюды, предполагающие осознанную или неосознанную готовность к проявлениям экстремизма, которые представляют собой потенциал для его проявления.

К.В.Злоказов [Злоказов, 2014] предлагает различать экстремистские установки от деструктивных. В его понимании деструктивные установки отражают стремление субъекта к разрушению, уничтожению объектов социального мира (системы социальных отношений, норм и правил, деятельности общественных институтов) с целью обнаружения и построения своей собственной идентичности. В то же время экстремистские установки сопровождаются следующими признаками: слепая вера в правоту своей идеологии; готовность к самопожертвованию; склонность к суицидальному поведению; фанатизм; стремление к самоутверждению; крайняя нетерпимость к инакомыслию, чужой культуре, верованиям и взглядам; склонность к конфликтности, экстремальным ситуациям, острым переживаниям, риску, насилию, демонстрации своей силы, наведению страха на окружающих; переживание сильных аффективных состояний.

П.Е.Сулоновым и К.В.Злоказовым [Сулонов, Злоказов, 2013] выделены четыре вида экстремистских установок: националистические, фанатические, ксенофобические и авторитарные. Националистические установки рассматриваются авторами как осознание превосходства лиц своей национальности (этноса, расы) над представителями других национальностей, этносов, рас. Установки «фанатизма (религиозного экстремизма)» выражаются в готовности к насильственному насаждению религиозной или квазирелигиозной веры среди неверующих либо представителей других религий и мировоззрений. Ксенофобические установки (установки социального экстремизма) выражают неприятие представителей иных социальных групп. Авторитарные установки (установки «политического экстремизма») отражают стремление к неконтролируемой, неограниченной и, зачастую, нелегитимной власти.

Что касается изучения предикторов экстремизма и экстремистских установок, данные в этой области зачастую противоречивы и недостаточны. Так, Скарчелла с соавт. [Scarcella et al., 2016] на основе анализа значительного количества исследований, размещенных в 20 базах данных, отмечают, что на сегодняшний момент существует недостаток научных знаний о предикторах экстремистского и террористического

поведения, отсутствует методический инструментарий, обладающий высокой прогностической способностью в предсказании экстремистского и террористического поведения.

В психологии обнаружено влияние на стремление к радикальной социальной активности таких личностных особенностей, как авторитарность [Eysenck, 1957; Canetti-Nisim, Pedahzur, 2002; Адорно, 2012], нарциссизм [Post, 1984; Нарусланов, 2017], нарушения идентификации, негативная персональная идентичность [Arena, Arrigo, 2006; Блинова, 2016], «комплекс неполноценности» и «психологические фрустрации» [Дорохов, 2006], агрессивность, мстительность, бескомпромиссность, замкнутость, цинизм, эгоизм, максимализм, импульсивность, неспособность к состраданию людям [Мусаелян, 2010], нетерпение, стремление достигать целей кратчайшим путем; отрицание компромисса; согласие с принципом «цель оправдывает средства»; отрицание равенства прав и возможностей людей; склонность к агрессии; низкая значимость человеческой жизни [Клейберг, Шогенов, 2011], возбудимость, педантичность и демонстративность, а также пониженный уровень эмотивности, экзальтированности и тревожности [Горбунова, Свешникова, 2013], искаженные социальные представления, категоричность убеждений, отсутствие пластичности, «бесчеловечность чувств», лицемерие [Липина, 2015], ненависть, жажда мести, осознаваемое или неосознаваемое стремление к власти [Медведева, 2016], высокий уровень стремления к риску и низкий социальный контроль [Baier et al., 2016], меньшая степень доброжелательности, добросовестности и тревожности, чем у остальных людей, и большая степень открытости новому опыту [Alizadeh et al., 2017].

Большое количество исследований, посвященных психологическим особенностям экстремистски направленной личности, связано с тем, что именно психологические особенности лучше предсказывают экстремистское поведение, чем такие предикторы, как пол, возраст, национальная принадлежность, религиозность, доход и уровень образования [Canetti-Nisim, Pedahzur, 2002]. Вместе с тем понимание объективных предикторов позволяет спрогнозировать группы риска и осуществлять сфокусированную профилактику латентного экстремизма среди молодежи, более склонной к экстремистской активности.

Психологические особенности молодежи как факторы, определяющие формирование экстремистских установок

Для молодежи характерно активное формирование мировоззрения и социокультурной идентичности. Ю.А.Зубок и В.И.Чупров [Зубок, Чупров, 2008] отмечают, что неопределенность социальных идентификаций усложняет отождествление молодежи с аутгруппами и ингруппами. Вместе с тем потребность в принадлежности к группе выступает одним из ведущих мотивов включения человека в экстремистское движение, которое позволяет реализовать идентификацию в радикальной форме.

Реализация потребности в идентификации именно с экстремальным течением

обуславливается, с одной стороны, особенностями организации психики, а с другой – специфическим статусом молодежи в обществе. К особенностям психической организации молодого человека можно отнести несформированность и неустойчивость его мировоззрения, особенности интеллектуальной и аффективной сфер личности.

В литературе, посвященной выделению факторов, определяющих формирование экстремистских установок молодежи, указываются такие психологические особенности, как недостаточная социально-психологическая зрелость, мировоззренческая неустойчивость [Бочаров и др., 2015], неустойчивость и противоречивость ценностных ориентаций, мировоззрения [Злоказов, Муслимов, 2014], не до конца сформировавшиеся у молодого человека взгляды на жизнь и окружающий мир [Куликов, Куликова, 2011], незавершенность процессов экономической, политической и духовной социализации.

Мировоззренческая неустойчивость и недостаточная социально-психологическая зрелость сопровождаются такими интеллектуальными особенностями, как поверхностное восприятие противоречивости социального бытия, склонность к максимализму и неумеренность в выборе средств и способов достижения жизненных целей [Липина, 2015].

Д.С.Козлов [Козлов, 2015] также отмечает, что для молодежи характерно доминирование гиперболизированной, максималистской формы восприятия общественных явлений, и к субъективным факторам возникновения экстремистских установок, которые связаны с социально-психологическими характеристиками молодежи, относит не критичность и парадоксальность мышления, неумение логически анализировать причины социальных действий и последствия экстремистской активности.

Ю.А.Зубок и В.И.Чупров [Зубок, Чупров, 2008] в качестве важной характеристики молодежи выделяют категоричность взглядов и суждений, сочетающуюся с нетерпимостью к инакомыслящим, пренебрежением к общепринятым нормам, неприятием критики, даже доброжелательной, что складывается в общую картину фанатичности как особенности данного возрастного периода.

С.С.Галахов и Е.О.Кубякин [Галахов, Кубякин, 2014], анализируя психофизиологические концепции экстремизма, обращают внимание на тот факт, что сексуальная энергия, доминирующая в период полового созревания молодого человека, воздействует на сознание таким образом, что оно временно «затмевается», при этом превалирует бессознательная сторона, что создает благодатную почву для развития экстремальности сознания.

В качестве особенностей аффективной сферы личности молодежи, способствующей возникновению экстремистских тенденций, выделяют психическую неустойчивость [Злоказов, Муслимов, 2014], неустойчивость к стрессам, недостаточную фрустрационную толерантность [Зубок, Чупров, 2008], следствием которой может стать агрессивность [Козлов, 2015], склонность к эмоционально-чувственным

реакциям и аффектам, вместо рационально-логических действий [Куликов, Куликова, 2011].

К объективным факторам формирования экстремистских установок молодежи можно отнести ее неопределенное положение в обществе, которое ряд авторов называет «маргинальным» (Ю.А.Зубок, В.И.Чупров, С.С.Галахов, Е.О.Кубякин, Д.С.Козлов и др.). «Маргинальность» социального статуса молодежи базируется на его неполноте, неустойчивости, переходности, промежуточности, незавершенности, которые порождают потребность в преодолении такого положения.

И.Д.Лопатин [Лопатин, 2007], описывая положение современной молодежи, отмечает, что срок достижения человеком социальной зрелости увеличивается с каждым годом, что отодвигает возможность занять устойчивое положение в обществе в краткие сроки. Попытки ускорить этот процесс сталкиваются с дискриминацией молодежи по возрастному признаку, нарушением ее прав в образовании, труде, профессиональной деятельности, сфере культуры, семейных отношениях, ограничением возможностей ее физического и духовного развития, ущемлением прав личности. При этом авторы указывают на завышенные ожидания молодежи; при столкновении с трудностями, которые человек преодолеть не в силах, они порождают фрустрацию, которую могут сопровождать раздражение, гнев и недовольство.

Поиск собственного положения в обществе сопряжено у молодежи с неприятием идеологии, ценностей, норм, особенностей образа и нравственных принципов жизни взрослого большинства. С одной стороны, это создает и поддерживает инновационный потенциал молодежи, возникновение новых форм самореализации. С другой стороны, крайней формой такого отрицания общественных норм и ценностей Ю.А.Зубок, В.И.Чупров называют юношеский нигилизм, который в сочетании с жадой новизны и склонностью к риску может приводить молодежь к участию в экстремистских формированиях, где эти потребности удовлетворяются.

Таким образом, особенности психического развития и положения молодежи в обществе дают основание считать экстремальность базовым свойством поведения и сознания молодежи, которое в ряде случаев способно «вырастать» в экстремизм. Все вышеперечисленные особенности молодежи делают ее также более подверженной влиянию экстремистских идеологов.

Е.М.Куликов и Н.А.Куликова [Куликов, Куликова, 2011] обращают также внимание на то, что результатом воздействия средств массовой информации является формирование эталонов ролей, которые молодежь подсознательно стремится исполнять. Однако для молодежи легальное достижение этих ролей существенно затруднено, при этом неудовлетворенность социальным положением, личной жизнью, духовным развитием может вести к тому, что молодые люди вступают в ряды экстремистских движений и криминальных группировок.

Таким образом, молодежь выступает основной зоной риска, в которой одновременно сосуществует множество предпосылок для возникновения экстремистских установок. Однако в литературе крайне мало сведений относительно внешних факторов,

определяющих выраженность экстремистской направленности молодежи.

Ряд авторов указывают на гендерную специфику в проявлении экстремизма. Так, в исследовании О.С.Дейнеки, В.С.Даукша, С.В.Морозовой [Дейнека и др., 2016] показано, что юноши в большей степени, чем девушки, склонны к экстремистским высказываниям и проявлению экстремистских установок. А.А.Чекалина и И.Д.Коновалова [Чекалина, Коновалова, 2013] объясняют это гендерной спецификой стратегий поведения, направленных на активное изменение окружающего мира и связанных с применением физического насилия, принуждения, давления, которые более характерны для мужчин, чем для женщин.

Наиболее обширные сведения были получены в исследованиях, проведенных отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2006 г. в 12 регионах РФ на выборке 2000 человек в возрасте от 14 до 29 лет [Зубок, Чупров, 2008], которое показало, что экстремальные настроения доминируют: по полу – у юношей; по возрасту – в младших возрастных группах; по видам занятости – у работающей молодежи, учащихся ПТУ и техникумов; по типам поселений – у проживающие в крупных городах и сельской местности. В исследовании также обнаружена динамика по сравнению с данными 2002 года, проявляющаяся в возрастании среди экстремально настроенной молодежи доли младших юношеских возрастных групп, учащихся средних школ, ПТУ и техникумов, а также проживающих в сельской местности. Зафиксирована также тенденция перемещения экстремальности из крупных городов в малые и роста нигилизма за счет возрастающей доли девушек и жителей мегаполисов.

Информация о внешних предикторах экстремизма необходима для выделения групп риска среди молодежи и осуществления сфокусированного на этих группах профилактического воздействия, направленного на снижение уровня экстремистских установок, а также предотвращения их перехода на уровень поведенческой активности экстремистской направленности.

Целью настоящего исследования выступило изучение выраженности экстремистских установок в зависимости от пола, возраста и вида занятости молодых людей. В качестве эмпирических гипотез исследования были выдвинуты два предположения: 1) экстремистские установки в группах молодежи, отличающихся по полу, возрасту и виду занятости, будут иметь специфические особенности; 2) различные экстремистские установки (фанатизм, национализм, ксенофобия и авторитаризм) определяются и предсказываются разными внешними переменными.

Методы

Выборка

При анализе распространенности экстремистских установок учитывались данные 355 человек, указавших свой пол, возраст и место учебы / работы. Для устранения статистических помех из выборки были исключены единичные данные испытуемых,

нетипичные для групп: студенты ссузов и вузов старше 21 года, а также работающая молодежь в возрасте младше 22 лет.

В анализируемую выборку вошли 148 школьников (84 девушки и 64 юноши от 15 до 18 лет, средний возраст 16,3 года), 82 студента ссузов (22 девушки и 60 юношей от 17 до 21 года, средний возраст 18,1 года), 72 студента вузов (55 девушек и 17 юношей от 19 до 21 года, средний возраст 19,9 года) и 53 рабочих (18 девушек и 35 юношей от 22 до 30 лет, средний возраст 26,6 года), жителей Хабаровского края Дальнего Востока России.

Методики

Экстремистские установки изучались с помощью методики К.В.Злоказова «Экстремистские установки в молодежной среде» [Злоказов, 2014]. В методике выделяют четыре шкалы: «Фанатизм», «Национализм», «Ксенофобия» и «Авторитаризм». Высокие значения по шкале «Фанатизм» показывают сосредоточенность на религиозных идеях, увлеченность религией, представления о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения, использование религиозных канонов для объяснения жизненных событий. Высокие значения по шкале «Национализм» указывают на дискриминирующую установку респондента по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным культурам и социальным нормам, одобрение репрессивных методов управления. Высокие значения по шкале «Ксенофобия» характеризуют стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религии и убеждений. Высокие значения по шкале «Авторитаризм» интерпретируются как представления о необходимости стойкости и твердости в отношениях с окружающими, характеризуют ригидность личности, категоричность суждений и неизменность решений.

Методы обработки и анализа данных

Обработка данных осуществлялась с помощью программы Statistica 6.0. Для сопоставления выборок юношей и девушек использовался U-критерий Манна–Уитни, выявление различий в степени выраженности экстремистских установок у групп испытуемых с разными видами занятости и разного возраста использовался H-критерий Крускала–Уоллиса. Использование указанных непараметрических критериев определялось спецификой распределения полученных данных. Оценка силы предикторов, определяющих выраженность отдельных экстремистских установок, осуществлялась с помощью множественного регрессионного анализа.

Результаты и обсуждение

Выраженность экстремистских установок молодежи

Таблица 1

Выраженность экстремистских установок молодежи

Уровень выраженности экстремистских установок (балл)	Фанатизм	Национализм	Ксенофобия	Авторитаризм
Низкий (2)	58,03	13,24	21,97	6,76
Пониженный (4)	14,08	34,08	24,23	23,10
Умеренный (6)	10,99	31,83	37,18	20,56
Повышенный (8)	11,55	19,72	10,99	39,72
Высокий (10)	5,35	1,13	5,63	9,86
Среднее значение по выборке	3,9	5,2	5,1	6,5

В таблице 1 данные, полученные в нашем исследовании, сопоставляются с данными, полученными К.В.Злоказовым при стандартизации методики [Злоказов, 2014]. В целом по выборке обследованная молодежь демонстрирует преимущественно низкую степень выраженности фанатических установок (58,03% выборки), умеренную или пониженную степень выраженности национализма (34,08% и 31,83%) и ксенофобии (24,23% и 37,18%). Вместе с тем больше трети обследованной молодежи (39,72%) демонстрируют повышенный уровень авторитаризма, который выступает одной из наиболее убедительных предпосылок экстремистской направленности человека.

Повышенный и высокий уровни фанатизма, национализма и ксенофобии обнаруживает пятая часть опрошенных: 16,62% демонстрируют националистические установки, 16,9% – фанатические, и 20,85% выборки – ксенофобические. В связи с этим необходимость обнаружения внешних предикторов латентного экстремизма, позволяющих спрогнозировать его выраженность, является весьма актуальной.

Пол

Сравнительный анализ экстремистских установок у юношей и девушек, проведенный по всей выборке испытуемых (179 девушек и 176 юношей), показывает значимо большую степень выраженности у юношей национализма и ксенофобии (см. табл. 2).

Таблица 2

Различия в степени выраженности экстремистских установок у юношей и девушек

Экстремистские установки	Девушки	Юноши	Значение критерия U-Манна-Уитни	Уровень статистической значимости (p)
Фанатизм	3,6	4,1	14602,5	0,1834
Национализм	4,9	5,5	13198	0,0058
Ксенофобия	4,6	5,5	12323	0,0002

Авторитаризм	6,3	6,6	14392	0,1414
--------------	-----	-----	-------	--------

Для юношей в значительно большей степени, чем для девушек, характерны дискриминирующие установки респондента по отношению к другим национальностям, чувства превосходства своей национальностью над другими, нетерпимость к альтернативным социальным нормам и культурам, а также стремление избегать контакта с представителями других национальностей, религии и убеждений.

Эти данные соответствуют результатам исследований О.С.Дейнеки, В.С.Даукша, С.В.Морозовой, Ю.А.Зубока и В.И.Чупрова и, в соответствии с анализом гендерных предпосылок экстремистского поведения, осуществленного А.А.Чекалиной и И.Д.Коноваловой [Чекалина, Коновалова, 2013], могут объясняться более характерным для мужчин способом установления властных отношений, опирающимся на методы жесткого давления, большей склонностью к соперничеству и физической агрессии, и рассмотрением ее юношами в качестве инструмента достижения поставленных целей, более выраженной межличностной интолерантностью мужчин и восприятием «чужаков» как потенциальных конкурентов в борьбе за ресурсы.

Вместе с тем тенденция к большей выраженности экстремистских установок у юношей, чем у девушек, является закономерностью лишь для больших объемов данных, в то время как в частных группах эти различия становятся незначимыми. Сопоставление выраженности экстремистских установок юношей и девушек в разных возрастных группах с учетом вида занятости (работа или обучение в школе, ссузе или вузе) обнаруживает статистические различия между представителями разного пола лишь в некоторых случаях.

Вид занятости

Более значимыми внешними факторами, определяющими силу экстремистских установок, являются возраст испытуемых и вид их занятости. Статистические различия между молодежью с разными видами занятости обнаруживались с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса. Средние значения выраженности экстремистских установок разной направленности в сопоставляемых выборках представлены в таблице 3.

Использование методики К.В.Злоказова позволило выявить выраженность у молодежи четырех разных экстремистских установок: фанатических, националистических, ксенофобических и авторитаризма (см. табл. 1).

Таблица 3

Различия в выраженности экстремистских установок молодежи с разными видами занятости

--	--	--	--	--

Виды занятости	Фанатизм	Национализм	Ксенофобия	Авторитаризм
Учащиеся школ	3,2	4,7	4,8	6,4
Студенты ссузов	4,4	5,5	5,3	6,3
Студенты вузов	3,9	5,4	5,0	6,3
Работающая молодежь	4,7	6,0	5,7	6,9
Значение Н-критерия Крускала–Уоллиса	16,35**	23,5**	9,1*	2,6

Примечания. * различия значимы для $p \leq 0,05$; ** различия значимы для $p \leq 0,01$.

Единственной шкалой, по которой не было обнаружено значимых различий между разными социальными группами, стала шкала «Авторитаризм», как черта личности авторитаризм распространен среди молодежи в равной степени, вне зависимости от места обучения или работы. Однако проявления авторитаризма в виде конкретных экстремистских установок существенно различаются.

По всем остальным шкалам методики обнаруживается одна и та же закономерность: наименьшая выраженность экстремистских установок наблюдается у школьников, наибольшая – у работающей молодежи. При этом студенты средних специальных учебных заведений проявляют экстремистские установки в большей степени, чем студенты вузов. Наиболее значимые различия между выборками были обнаружены в степени выраженности шкал «Национализм» и «Фанатизм», отражающих более высокую оценку респондентами своей национальности и вероисповедания в сравнении с другими нациями и верованиями.

Одновременный учет возраста и вида занятости молодежи показывает, что место учебы наиболее значимо для предсказания выраженности экстремистских установок молодежи в возрасте от 17 до 21 года. До девятого класса подростки обучаются вместе, независимо от их желания, личностных особенностей, направленности, вовлеченности в те или иные жизненные проблемы. После окончания девятого класса часть учащихся, испытывающих, как правило, наибольшие трудности в адаптации к школьному обучению, принятию норм и требований общества, уходят из общеобразовательных школ с тем, чтобы продолжить обучение в средних специальных учебных учреждениях. Е.С.Белоусова и Г.С.Корытова [Белоусова, Корытова, 2014] в своем исследовании обнаружили, что учащиеся профессионального колледжа, по сравнению со школьниками, имеют неоправданно высокую самооценку, стремление быть крайне независимыми и крайне самостоятельными, что опасно безразличием по отношению к чувствам и правам других людей. Такие личностные особенности студентов колледжей и техникумов в большей степени способствуют проявлению экстремистских установок. Поэтому исследование показывает более высокую (хоть и незначимую) степень выраженности экстремистских установок у студентов ссузов по сравнению с учащимися, оставшимися в средних общеобразовательных школах.

Поступление в средние специальные учебные учреждения, в свою очередь, может содержать дополнительные риски, способствующие усилению экстремистских установок молодежи. Результаты исследования, проведенного С.Т.Джанерьян и Д.И.Гвоздевой [Джанерьян, Гвоздева, 2015], свидетельствуют о более высоких показателях социальной фрустрированности у учащихся колледжа, за счет включенности респондентов в более широкий контекст социальных жизненных отношений и увеличения числа фрустраторов, приводящего к снижению социальной адаптированности.

Учащиеся школ сталкиваются с жизненными трудностями позже и в меньшей степени, чем студенты ссузов. Современная образовательная политика приводит к тому, что основная дифференциация и выбор жизненного пути осуществляется после окончания девятого класса. Школьники, оставшиеся в 10–11 классах, чаще всего планируют и реализуют свое дальнейшее образование в высших учебных заведениях. Вместе с тем поступление в вузы также сопряжено для них с потерей устойчивого места в жизни, добавлением новых фрустрирующих факторов и ростом неудовлетворенности жизнью. Это сказывается и на усилении выраженности экстремистских установок при сравнении старшеклассников и студентов вузов. Однако сила экстремистских установок студентов вузов остается все же ниже экстремистских тенденций учащихся ссузов того же возраста.

После 22 лет большая часть молодежи, независимо от места их обучения, уже работает, поэтому в выборке работающей молодежи недифференцированы испытуемые, получавшие разное образование. Вместе с тем молодежь, начиная работать, оказывается в еще большем состоянии фрустрации, не в состоянии удовлетворить свои потребности в работе, позволяющей им достичь высокого материального благосостояния, соответствующей их амбициям и интересам.

И.Д.Лопатин отмечает, что наибольшую опасность в плане перехода к экстремистскому способу мышления и действия представляет именно недоступность солидного положения в обществе, невозможность найти достойное рабочее место, а отсутствие накопленных материальных ценностей приводит к тому, что «молодому человеку зачастую нечего терять, потому они легко идут громить витрины и поджигать автомобили, участвовать в многочисленных столкновениях на спортивных мероприятиях» [Лопатин, 2007, с. 14].

Возраст

Для обнаружения возрастной динамики, свободной от места обучения молодежи, все испытуемые были разделены на три группы: от 15 до 16 лет (40 мальчиков и 51 девочка, учащиеся школ), от 17 до 21 года (101 юноша и 110 девушек, учащиеся старших классов, ссузов и вузов), от 22 до 30 лет (35 мужчин и 18 женщин, работающих в разных сферах). Такое разделение было обусловлено спецификой социальной ситуации, в которой оказываются люди разных возрастов: подростки, юноши и молодежь первого периода зрелости. Учащиеся 15–16 лет находятся на обучении в школе, в этот период, независимо от интересов, склонностей, ценностей и

дальнейших намерений, подростки посещают общеобразовательную школу, не имея альтернативного выбора. В возрасте от 17 до 21 года юноши и девушки получают образование разными способами: обучаясь в средних специальных учебных заведениях или заканчивая общеобразовательную школу и поступая в учебные заведения высшего образования, при этом специфической задачей юношеского возраста является формирование идентичности – как профессиональной, так и личностной. Окончание процесса получения профессионального образования и начало самостоятельной трудовой деятельности характеризует специфические условия жизни молодежи первого периода зрелости (от 22 до 30 лет). Сравнительные результаты выраженности экстремистских установок разных возрастных групп представлены в таблице 4.

Таблица 4

Различия в степени выраженности экстремистских установок молодежи в разных возрастных группах девушек и юношей

Пол	Возраст	Фанатизм	Национализм	Ксенофобия	Авторитаризм
Девушки	15–16	3,6	4,2	4,0	6,5
	17–21	3,5	5,1	4,8	6,2
	22–30	4,3	5,7	5,4	6,3
Значение Н-критерия Крускала–Уоллиса		3,14	10,88**	7,97*	0,53
Юноши	15–16	3,3	5,1	5,5	6,6
	17–21	4,1	5,5	5,5	6,5
	22–30	4,9	6,2	5,8	7,1
Значение Н-критерия Крускала–Уоллиса		5,94*	6,77*	0,58	2,84
Выборка в целом	15–16	3,5	4,6	4,6	6,5
	17–21	3,8	5,3	5,1	6,3
	22–30	4,7	6,0	5,7	6,9
Значение Н-критерия Крускала–Уоллиса		6,62*	19,13**	7,53*	2,79

Примечания. * различия между возрастными группами значимы для $p \leq 0,05$; ** различия между возрастными группами значимы для $p \leq 0,01$.

Авторитаризм оказался единственным проявлением экстремистских установок, не демонстрирующих возрастной динамики как по выборке в целом, так и отдельно в выборках юношей и девушек. Эта личностная особенность, проявляющаяся в ригидности личности, склонности к категоричности суждений, неизменности решений и твердости убеждений, в равной степени проявляется у людей разного пола и возраста.

Все остальные экстремистские установки (фанатизм, национализм и ксенофобия) в общей выборке демонстрируют поступательное увеличение при переходе к каждой следующей возрастной группе. Однако при анализе динамики отдельно для юношей и девушек обнаруживается, что единственной шкалой, по которой и у тех, и у других обнаруживается увеличение силы установки с возрастом, является шкала «Национализм». Таким образом, с возрастом усиливается нетерпимость респондентов обоих полов к другим национальностям, культурам и отличающимся от привычных социальным нормам, а также одобрение репрессивных методов управления.

Ксенофобические установки, нежелание контактировать с другими представителями общества, значительно возрастают только у девушек, в то время как в выборке юношей они с возрастом изменяются незначительно. Динамика ксенофобии девушек такова, что ее значимо меньшая выраженность, по сравнению с мальчиками, в возрасте 15–16 лет постепенно начинает соответствовать силе ее выраженности у юношей, у которых она практически не изменяется с возрастом. Фанатические установки у девушек, напротив, с возрастом изменяются незначительно, в то время как для юношей характерно усиление с возрастом осознания значимости религии и роли религиозных норм в жизни.

Вместе с тем усиление экстремистских установок с возрастом противоречит данным мониторингов, в которых зафиксировано, что экстремизм выражен в младших возрастных группах молодежи, для которых в большей степени свойственны несформированность и неустойчивость мировоззрения, интеллектуальной и аффективной сфер личности. Объяснение этого феномена требует дальнейшего осуществления исследования, выявления внутренних факторов, определяющих усиление выраженности экстремистских установок в период с 16 до 30 лет.

Внешние предикторы экстремистских установок

Для определения одновременного воздействия всех трех переменных (пол, возраст и вид занятости) на силу выраженности экстремистских установок молодежи была использована множественная регрессия (см. табл. 5). Авторитаризм был исключен из общего анализа в связи с тем, что оказался единственной шкалой методики, не зависящей ни от пола, ни от возраста, ни от вида занятости испытуемых.

Таблица 5

Пол, возраст и вид занятости как предикторы экстремистских установок молодежи

Экстремистские установки	Предикторы	β	B	p
Фанатизм	пол	0,083	0,423	0,115
	возраст	0,125	0,086	0,023
	вид занятости	-0,097	-0,209	0,076
	$R^2 = 0,04; F = 4,87; p \leq 0,02$			
Национализм	пол	0,139	0,548	0,007

	возраст	0,194	0,103	0,000
	вид занятости	-0,107	-0,176	0,047
	R ² = 0,08; F = 10,6; p ≤ 0,001			
Ксенофобия	пол	0,195	0,872	0,000
	возраст	0,102	0,061	0,063
	вид занятости	-0,038	-0,071	0,489
	R ² = 0,05; F = 6,72; p ≤ 0,001			

Примечания. β – стандартизированный регрессионный коэффициент; B – регрессионный коэффициент; p – уровень статистической значимости; R² – коэффициент множественной детерминации, F – критерий Фишера.

Множественный регрессионный анализ показывает, что все три экстремистские установки (фанатизм, национализм и ксенофобия) определяются и предсказываются разными внешними переменными. Так, наиболее значимым предиктором фанатизма выступает возраст испытуемых (p = 0,023): чем старше испытуемые, тем в большей степени они придают значение религии и тем выше оценивают ее место в жизни своей и своего окружения. Влияние вида занятости (места обучения / работы) и пола испытуемых не является значимым для предсказания силы фанатической установки.

Усиление экстремистских установок с возрастом, противоречащее данным более ранних исследований, может свидетельствовать о неуспешном прохождении в юношеском возрасте кризиса идентичности, вне зависимости от образовательных учреждений, в которых обучается молодежь. Отсутствие устойчивой идентичности с просоциальными группами, которое является основой для формирования устойчивого мировоззрения молодежи и удовлетворения их потребности в принадлежности и принятии, побуждает молодых людей искать другие группы идентификации, в частности, религиозные сообщества. Полученные Н.А.Калюжной данные [Калюжная, 2007] показывают, что одной из определяющих черт фанатика на стадии его становления является неуверенность в себе, а экстремистская активность является формой гиперкомпенсации, позволяющей ощутить собственную значительность, самоутвердиться, почувствовать себя избранным для реализации групповых целей. Возрастание фанатических установок с возрастом указывает на то, что молодые люди не находят возможности самореализации и самоутверждения в своей обычной жизни, независимо от пола, места обучения и работы.

В отличие от фанатизма, национализм определяется всеми тремя исследуемыми внешними переменными, наиболее значимой из которых вновь оказывается возраст испытуемых (p ≤ 0,0001): чем старше человек, тем в большей степени он считает людей своей национальности превосходящими представителей других национальностей, рас и этносов. Вторым по значимости предиктором националистической установки выступает пол (p = 0,007): у юношей на всех возрастных этапах национализм более выражен, чем у девушек. Вид занятости также предсказывает национализм на значимом, хоть и низком, уровне (p = 0,047): наибольшую выраженность национализм имеет у работающей молодежи,

наименьшую – у школьников, студенты ссузов и вузов занимают промежуточную позицию.

Возрастание степени выраженности националистических установок с возрастом показывает, что возрастные проблемы могут решаться молодыми людьми путем идентификации с нацией, что особенно характерно для мужчин, которые более склонны к установлению властных отношений методами жесткого давления и физической агрессии [Чекалина, Коновалова, 2013]. Межнациональная рознь дает большие основания для самоутверждения за счет лиц другой национальности, формирования собственной идентичности за счет противопоставления людям других этнических групп и культивирования «образа врага», базирующегося на этнических стереотипах и реальном опыте взаимодействия с людьми разных национальностей. Расширение сфер взаимодействия, включение молодых людей в разные учебные и профессиональные группы расширяет опыт взаимодействия с представителями разнообразных этнических групп, что при неудовлетворенности потребностей в самоутверждении ведет не к пониманию и принятию специфических особенностей людей разных национальностей, а предоставляет базу для формирования негативных националистических установок.

Ксенофобия в наибольшей степени предсказывается полом респондентов ($p \leq 0,0001$): юноши более интенсивно избегают контактов с людьми иных социальных групп (представителями других национальностей, религии и убеждений). К.В.Злоказов [Злоказов, 2014] указывает, что нежелание контактировать с другими представителями общества может быть обусловлено негативным опытом взаимодействия (например, агрессия и дискриминация со стороны представителей иных религиозных групп, национальностей) либо агрессивной-защитной позицией вытеснения, выдавливания за пределы своего круга социальных контактов. Возможно, юноши, с одной стороны, имеют больший негативный опыт взаимодействия с представителями иных социальных групп, а с другой, в большей степени, чем девушки, ориентированы на агрессивные способы защиты группы, к которой считают себя принадлежащими. Возраст и вид занятости являются незначимыми предикторами ксенофобии.

Модели предикторов фанатизма, национализма и ксенофобии, полученные в результате множественного регрессионного анализа, объясняют лишь от 4 до 8% вариативности выраженности экстремистских установок, что указывает на то, что внешние переменные (такие как пол, возраст и вид занятости) объясняют лишь небольшую часть полученных данных. Это требует дальнейшего изучения внутренних факторов, определяющих проявления экстремистских установок молодежи, в частности, особенностей формирования идентичности, что является основной задачей юношеского возраста. Вместе с тем обнаруженные регрессионные модели обладают высокой значимостью: $p \leq 0,02$ – для предсказания фанатических установок, $p \leq 0,001$ – для предсказания национализма и ксенофобии. Это дает возможность для прогноза выраженности экстремистских установок на основе объективных переменных: возраста, пола и вида занятости молодых людей, что позволяет сфокусировать работу по профилактике различных экстремистских установок в различных группах молодежи.

Выводы

1. Среди прочих экстремистских установок авторитаризм как черта личности, проявляющаяся в установке на стойкость и твердость в отношениях с окружающими, категоричности суждений, готовности придерживаться решения, в том числе и противоречащего социальным нормам и общественным интересам, проявляется вне зависимости от пола, возраста и вида занятости молодого человека, создавая фундамент для остальных экстремистских установок.

2. Юноши в целом демонстрируют более высокие показатели национализма и ксенофобии, чем девушки, однако при рассмотрении отдельных выборок, гомогенных по возрасту и месту обучения, эти различия чаще всего являются несущественными. Существенные различия характерны лишь относительно национализма у студентов средних специальных учебных заведений 17–18 лет и относительно ксенофобии у школьников от 15 до 18 лет.

3. Место обучения является значимым предиктором выраженности экстремистских установок в возрасте от 17 до 21 года, когда часть школьников продолжает обучение в старших классах и в дальнейшем, как правило, поступает в высшие учебные заведения, а часть уходит в профессиональные колледжи и техникумы. Уровень экстремистских установок первой группы учащихся (школьников, а в дальнейшем студентов вузов) существенно ниже, чем у их сверстников, получающих среднее специальное образование.

4. Общая возрастная динамика выраженности фанатизма, национализма и ксенофобии имеет положительную направленность: чем старше становятся юноши и девушки, тем в большей степени они разделяют дискриминирующие установки по отношению к людям иной религии, нации и социальной группы, тем в большей степени они стремятся исключить из сферы своих контактов подобных людей.

5. Каждая из экстремистских установок определяется изучаемыми факторами (пол, возраст, вид занятости молодежи) в разной степени. Фанатические установки преимущественно предсказываются возрастом респондентов (чем старше, тем более выражен фанатизм), ксенофобические – полом (ксенофобия сильнее проявляется у юношей, чем у девушек), а националистические – всеми тремя объективными переменными (возрастом, полом и видом занятости), проявляясь более сильно в более старших по возрасту группах молодежи, сильнее у юношей, работающей молодежи и студентов средних специальных учебных заведений.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, госзадание 25.8631.2017/8.9 «Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи».

Литература

Адорно Т.В. [Adorno T.W.] Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012.

Белоусова Е.С., Корытова Г.С. Сила базовых стремлений личности и их реализация в социокультурном пространстве образовательных учреждений. Вестник ТГПУ, 2014, 1(142), 105–111.

Блинова О.А. Экстремизм как результат обретения негативной персональной идентичности. Вестник ЧелГУ, 2016, 5(387), 25–32.

Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики). Прикладная юридическая психология, 2015, No. 1, 21–33.

Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования. Известия РГПУ им А.И.Герцена, 2009, No. 111, 284–290.

Галахов С.С., Кубякин Е.О. Специфика молодежного сознания и социально-групповой самоорганизации в механизме формирования молодежного экстремизма. Вестник Казанского юридического института МВД России, 2014, 2(16), 49–56.

Горбунова Н.В., Свешникова Н.О. Психологические особенности лиц, совершающих преступления экстремистской направленности. Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ, 2013, No. 1, 67–75.

Дейнека О.С., Даукша В.С., Морозова С.В. Ценностный фактор отношения к экстремизму у студентов. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2016, No. 12, 1717-1723. <https://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=11156>

Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И. Особенности социальной фрустрированности личности учащихся школы и колледжа. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2015, No. 8, 134–137.

Дорохов Н.И. Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты. Военно-юридический журнал, 2006, No. 5, 18–23.

Злоказов К.В. Экстремистский текст и деструктивная личность. Политическая лингвистика, 2013, No. 3, 215–225.

Злоказов К.В. Экстремистские установки в молодежной среде: психологические особенности и метод их исследования. Екатеринбург, 2014.

Злоказов К.В., Муслумов Р.Р. Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки. Педагогическое образование в России, 2014, No. 5, 81–87.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. Социологические исследования, 2008, No. 5, 37–47.

Калюжная Н.А. Фанатизм: личностные и групповые черты. Философские науки, 2007, No. 9, 66–82.

Клейберг Ю.А., Шогенов М.З. Молодежный экстремизм: опыт социально-психологического исследования личности экстремиста. Общество и право, 2011, No. 1, 237–238.

Козлов Д.С. Политический экстремизм и экстремальность: явления общественного сознания, присущие психологии и поведению молодежи. Теория и практика общественного развития, 2015, No. 12, 493–495.

Куликов Е.М., Куликова Н.А. Массовая культура как фактор генезиса экстремистских установок современной российской молодежи. Общество: социология, психология, педагогика, 2011, No. 1–2, 86–89.

Липина Е.А. Психологические особенности личности экстремиста. Гуманитарные научные исследования, 2015, No. 8. <http://human.snauka.ru/2015/08/12222>

Лопатин И.Д. Экстремизм как социально-политическое явление современного мира (особенности его возникновения и развития в России): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославский гос. университет им. П.Г.Демидова, Ярославль, 2007.

Лунеев В.В. Укрепление законности и борьба с преступностью: проблемы криминализации и противодействия экстремизму. Государство и право, 2009, No. 9, 44–64.

Медведева Н.И. Психологические факторы деструкции личности экстремиста и террориста. Проблемы современного педагогического образования, 2016, No. 53–8, 202–208.

Мусаелян М.Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок). Адвокат, 2010, No. 6, 22–33.

Нарусланов Э.Ф. Некоторые особенности личности религиозных экстремистов, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Казанский педагогический журнал, 2017, No. 5, 163–168.

Одинцова М.А., Тищенко М.В. Исследование латентного экстремизма в образовательной среде колледжей. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2014, 4(122), 141–149.

Сулонов П.Е., Злоказов К.В. Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде.

Российский научный журнал, 2013, 5(36), 219–224.

Чекалина А.А., Коновалова И.Д. О гендерных аспектах проявлений экстремизма. Актуальные проблемы психологического знания, 2013, No. 3, 112–120.

Alizadeh M., Weber I., Cioffi-Revilla C., Fortunato S., Macy M. Psychological and personality profiles of political extremists. Cornell University Library, 2017.
<https://arxiv.org/abs/1704.00119>

Arena M.P., Arrigo B.A. The terrorist identity: Explaining the terrorist threat. New York, NY: New York University Press, 2006.

Baier D., Manzoni P., Bergmann M.C. Influencing Factors of Political Extremism in Adolescence – Right-Wing Extremism, Left-Wing Extremism and Islamic Extremism Compared. Journal of Criminology and Penal Reform, 2016, 99(3). doi: 10.1515/mkr-2016-0302

Canetti-Nisim D., Pedahzur A. The Effects of Contextual versus Psychological Variables on Extreme Right-Wing Sentiments. Social Behavior and Personality, 2002, 30(4), 317–334.

Eysenck H.J. Sense and nonsense in psychology. Harmondsworth: Penguin, 1957.

Post J.M. Notes on a psychodynamic theory of terrorist behavior. Terrorism, 1984, 7(2), 241–256. doi: 10.1080/10576108408435577

Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments. PLoS ONE, 2016, 11(12). doi: 10.1371/journal.pone.0166947

Поступила в редакцию 22 ноября 2017 г. Дата публикации: 27 апреля 2018 г.

[Сведения об авторах](#)

Яремчук Светлана Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, ул. Кирова, д. 17/2, 681000 Комсомольск-на-Амуре, Россия.
E-mail: svj@rambler.ru

Ситяева Снежана Михайловна. Кандидат биологических наук, доцент, кафедра психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, ул. Кирова, д. 17/2, 681000 Комсомольск-на-Амуре, Россия.
E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Яремчук С.В., Ситяева С.М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы

экстремистских установок молодежи. Психологические исследования, 2018, 11(58), 11.
<http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Яремчук С.В., Ситяева С.М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html>

[К началу страницы >>](#)